

АРХЕОЛОГИЯ

Н.А. Мусебли

**К ВОПРОСУ О БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ КОРНЯХ
ЛЕЙЛАТЕПИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Проведённые за последние семь лет в Азербайджане археологические раскопки памятников лейлатепинской культуры приобрели важное значение для изучения и определения места и роли этого историко-культурного образования в ближневосточно-кавказских миграциях эпохи энеолита.

Выделенная на основе раскопок поселения Лейлатепе в Карабахском регионе Азербайджана лейлатепинская культура конца V тыс. – первой половины IV тыс. до н.э. играет ключевую роль в определении стратиграфической последовательности культур Кавказа эпох энеолита и ранней бронзы. Эта культура по своему уровню социально-экономического развития, производству высококачественной керамики, изготовленной на гончарном круге, невиданному для энеолитического периода Кавказа металлопроизводству, самым древним на Южном Кавказе курганам, движению к социальному расслоению общества действительно предстает феноменом Южного Кавказа эпохи энеолита. Эта культура находилась на уровне культурно-исторического развития, значительно опережавшем как предшествовавшие, так и последующие археологические культуры региона. С этой точки зрения определение культурно-хронологического места лейлатепинской культуры в системе комплексов Ближнего Востока и Кавказа в эпоху энеолита и ранней бронзы обретает важное значение в изучении истории межцивилизационных отношений в регионе в указанный период.

Открывший лейлатепинскую археологическую культуру И.Г. Нариманов в своём отчёте о первых результатах раскопок в 1984 г. поселения Лейлатепе – эпонимного памятника этой культуры, писал о выявлении на этом памятнике новой культуры, связанной с Месопотамией. Обнаруженным на Лейлатепе керамическим изделиям, в частности, двугорлым сосудам, он указывал точные аналогии в памятниках убейдской культуры и вместе с тем отмечал, что параллели некоторым керамическим изделиям из Лейлатепе известны и в памятниках урукского периода (*Нариманов И.Г., Азимов М.С., Алиев Н.Г.*, 1985. С. 31–32).

Тогда же И.Г. Нариманов в своих тезисах о результатах раскопок на поселении Лейлатепе писал о принадлежности лейлатепинской культуры племенам убейдской культуры, мигрировавшим из Северной Месопотамии, а также указывал на самые близкие параллели некоторых лейлатепинских сосудов сосудам, происходящих из памятников раннего Урука (*Нариманов И.Г.*, 1985. С. 272). В следующей публикации исследователь с соавторами указывал на принадлежность лейлатепинской культуры, мигрировавшим из Месопотамии племенам – носителям культурных традиций убейдско–урукского круга (*Нариманов И.Г., Азимов М.С., Алиев Н.Г.*, 1986. С. 10). Позже, в монографии, посвященной раннеземледельческой культуре Азербайджана, И.Г. Нариманов также отмечал связь Лейлатепе с убейдско–урукскими памятниками Месопотамии (*Нариманов И.Г.*, 1987. С. 130).

В 2001 г. Н.Г. Алиев и И.Г. Нариманов в совместной монографии впервые широко изложили результаты раскопок и представили выявленные материалы поселения Лейлатепе. На основе всестороннего анализа авторы пришли к предположению о связи лейлатепинской культуры с культурой Северного Убеяда (*Алиев Н.Г., Нариманов И.Г.*, 2001. С. 80–94). И.Г. Нариманов в одной из своих последних статей также писал о связи Лейлатепе с убейдской культурой (*Нариманов И.Г.*, 2005. С. 143).

Позицию И.Г. Нариманова о связи памятника Лейлатепе с Месопотамией разделяет Р.М. Мунчаев, долгие годы исследующий раннеземледельческие памятники эпохи Се-

верного Кавказа и Северной Месопотамии. В одной из своих статей он, признавая факт присутствия некоторых признаков убейдской культуры на Лейлатепе, все же считает это поселение памятником позднего Урука (*Мунчаев Р.М.*, 2007. С. 8). Свои выводы исследователь обосновывает, в частности, тем, что культура Убейда (конец V – первая половина IV тыс. до н.э.) является первой «общемесопотамской культурой». Ее влияние было достаточно широким, вплоть до Южного Туркменистана. Но последовавшая за ней урукская культура не сравнима ни с одной из культур Месопотамии по территориальному охвату и степени воздействия на культуры сопредельных регионов, включая Иран, Анатолию и Кавказ» (*Мунчаев Р.М.*, 2007. С. 9).

По мнению Б. Хелвинга, ареал Северного Убейда не распространялся севернее оз. Урмия, в том числе и в Азербайджан (*Helwing B.*, 2009. С. 64).

С такими выводами, на мой взгляд, согласиться трудно. Так, несмотря на то, что поселение Лейлатепе своими корнями хотя и связано с культурными традициями Месопотамии, оно имеет свои местные характерные отличительные черты и является памятником самостоятельной археологической культуры, формировавшейся на Южном Кавказе. С другой стороны, если на Лейлатепе, как отмечает Р.М. Мунчаев, имеются следы убейдской культуры, то оно могло быть синхронным не с последним этапом убейда, а хотя бы с первым этапом следующей урукской культуры. Как отмечал и сам исследователь, убейдская культура смогла распространиться до Южного Туркменистана. Распространение убейдской культуры на Южный Туркменистан более подробно изложено в трудах других исследователей. Это культурное воздействие прослеживается в различных материалах – керамике, терракоте, в антропологических фактах, т.е. была доказана миграция определённых племён (*Массон В.М.*, 1962). В таком случае движение племен этой культуры в более близкий географический регион, чем Туркменистан – на Южный Кавказ не предстаёт исключением, и, как видится, не было никаких причин для её нераспространения здесь. Несомненное влияние убейдской культуры на Южный Кавказ и особенно на Азербайджан демонстрируется в многочисленных археологических находках, особенно в крашено-расписной керамике. Однако для нашего исследования интерес представляют миграции, породившие это влияние, и определение их времени.

Р.М. Мунчаев относит поселение Лейлатепе и идентичные с ним памятники ко второй половине IV тыс. до н.э. и отмечает, что население, связанное с этими поселениями, в дальнейшем переселилось на Северный Кавказ, где выступило одним из создателей майкопской культуры (*Мунчаев Р.М.*, 1994. С. 48; *Мунчаев Р.М.*, 2007. С. 8–9; *Мунчаев Р.М.*, *Амиров Ш.Н.*, 2009. С. 45–51). Р.М. Мунчаев и Ш.Н. Амиров считают, что керамическая посуда поселений Лейлатепе и Беюк Кесик абсолютно повторяет керамические коллекции памятников Северной Месопотамии, точнее, восточной Джебизы второй половины IV тыс. до н.э., и это находит блестящее отражение в материалах поселения Телль Хазна I в Северо-Восточной Сирии (*Мунчаев Р.М.*, *Амиров Ш.Н.*, 2009. С. 49).

По данному вопросу с иной позиции выступает С.Н. Корневский. Проанализировав связи Ближнего Востока, Лейлатепе, и Майкопа, он пришел к выводу, что ранний этап лейлатепинской культуры соответствует позднему Убейду и вообще эта культура была синхронна с поздним Убейдом – ранним Уруком (*Корневский С.Н.*, 2008. С. 81, 86). Он включает в эту хронологическую рамку такие памятники, как Лейлатепе, Беюк Кесик, Берикдееби, Техут (*Корневский С.Н.*, 2008а. С. 78).

При исследовании истории ближневосточных корней лейлатепинской культуры в первую очередь следует обратиться к материалам поселения Тепе Гавра в Северной Месопотамии, которое исследователи считают ключом для стратиграфии памятников этого региона (*Ллойд С.*, 1984. С. 75). Археологические материалы, выявленные в памятниках лейлатепинской культуры, созвучны находкам слоев XIII, XII и XI Тепе Гавры. Находок из памятников лейлатепинской культуры, схожих с материалами более ранних и более поздних слоев Тепе Гавры, немного.

С. Ллойд и Г. Алгазе вслед за А. Тоблером, относили слои XIX–XII Тепе Гавры к убейдской культуре, слои XI–VIII – к урукской (*Ллойд С.*, 1984. С. 86; *Algaze G.*, 1993).

Р.86). Следы большого пожара, выявленные в слое XII Тепе Гавры указывают на полное уничтожение поселения. Оно было заселено заново в урукский период (*Ллойд С.*, 1984. С.85–86; *Kubba S.A.*, 1998. Р. 20–28).

А. Тоблер, проводивший раскопки Тепе Гавры, относил слои XIX–XII этого памятника к убейдской культуре. Он отмечал соответствие материалов, выявленных в слоях XIIa и XII, с материалами из слоя XIII. В тоже время он писал о продолжении в убейдских слоях памятника, в частности в слое XIII, традиций даже доубейдской, халафской культуры (*Tobler A.*, 1950. Р. 140–145). В слое XIII Тепе Гавры были выявлены многочисленные образцы монохромной крашеной керамики убейдской культуры. Кроме того, на этом уровне найдено множество сосудов с S-образным профилем, характерным для убейдской керамики (*Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.*, 2004. С. 208). Вместе с тем в слое XIII Тепе Гавры выявлено несколько сосудов типа *soba bowl*, один расписной сосуд типа *spring pattern*, сосуды с рифленой поверхностью и сосуды с носиком. Часть исследователей отнесла их по форме и технике обработки поверхности к урукскому периоду. Основываясь на этом, они относят слой XIII Тепе Гавры к начальной стадии раннего Урука или к переходному периоду от Убейда к Уруку (Убейд – Урук). В хронологической таблице, составленной этими же авторами, слой XIII, представленный периодом Убейд – 4, отнесен к концу V – началу IV тыс. до н.э. (*Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.*, 2004. С. 208–209).

В слоях XIIa и XII Тепе Гавры выявлено множество крашенных сосудов убейдской культуры. На этих уровнях также выявлены характерные для периода раннего Урука Северной Месопотамии расписные сосуды в стиле *spring*. По формам керамических сосудов и особенностям расписного орнамента слои XIIa и XII этого памятника отнесены к периоду раннего Урука – к первой половине IV тыс. до н.э. (*Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.*, 2004. С. 208–209). Вместе с тем, в слое XIIa Тепе Гавры число расписных сосудов Убейда было очень незначительным, здесь больше преобладала керамика раннего Урука (*Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.*, 2004. С. 208).

Мнения исследователей относительно хронологии и культурной принадлежности слоев XIII–XI Тепе Гавры не едины. По этому вопросу, кроме вышеупомянутых точек зрения, имеются и другие мнения. Так, согласно М.С. Ротману слои XIII–XII Тепе Гавры относятся к Убейду – 4 или к периоду трансформации Убейда (*Rothman M.S.*, 2001. Р. 7). Кроме того, существует мнение, что ранняя стадия урукской культуры началась уже в последних веках V тыс. до н.э. (*Wright H.T.*, 2001. Р. 125).

Здесь важно обратиться к памятникам, имеющим радиоуглеродные датировки. Так, слои А, В, С, D другого поселения на территории Сирии – Хаммам ат-Туркман, относящиеся к убейдской культуре, датируются на основе радиоуглеродных анализов в диапазоне 4400–3600 гг. до н.э., и соответственно они синхронны слоям XIX–XII Тепе Гавры, которые отнесены к концу V – первой половине IV тыс. до н.э. (*Kubba S.A.*, 1998. Р. 29).

Одним из памятников, имеющих большое значение в изучении истоков лейлатепинской культуры, является поселение Арслантепе на юго-востоке Анатолии. Так, самые близкие и многочисленные аналогии специфических знаков на керамике лейлатепинской культуры известны на Ближнем Востоке именно на поселении Арслантепе в слое VII. Этот слой радиоуглеродным анализом датирован 3960–3350 гг. до н.э. (*Wright H.T., Ruppel E.S.A.*, 2001. Р. 115). Близкие аналогии археологических материалов лейлатепинских комплексов известны из убейдского слоя северо-месопотамского поселения конца V – начала IV тыс. до н.э. Ярмтепе III (*Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М.*, 1982). Идентичность прослеживается, кроме типологии керамических сосудов, по таким специфическим находкам, как «глиняные гвозди», зооморфные фигурки, а также погребения.

Огромное значение для изучения истории урукской культуры и последующих периодов Северной Месопотамии имеют материалы поселения Телль Хазна I (Северо-Восточная Сирия), раскопанного под руководством Р.М. Мунчаева. Материалы ярусов VI и V этого памятника в определенной степени, соответствуют лейлатепинской культуре и

идентичны XII–XI слоям Тепе Гавры (Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2004. С. 808, 214).

Таким образом, приведенный обзор демонстрирует отсутствие единого мнения о культурной принадлежности и датировке соответствующих слоев позднеэнеолитических памятников Северной Месопотамии, с которыми связаны корни лейлатепинской культуры.

Период, охватывающий конец V – начало IV тыс. до н.э., до недавнего времени относили к этапу убейдской культуры, а начало урукской культуры – к середине IV тыс. до н.э. (Ллойд С., 1984. С. 72; Алиев Н.Г., Нариманов И.Г., 2001. С. 75; Массон В.М., 1989. С. 84 и т.д.). Так как памятники Лейлатепинской культуры были включены в эту хронологическую рамку, я также писал об их связях с убейдской культурой (Мусеибли Н.А., 2007). Вместе с тем, как отмечено выше, мнения по этому вопросу остаются по-прежнему разными.

Следует особенно отметить тот факт, что V–III тыс. до н.э. в Северной Месопотамии являются периодом, характеризующимся непрерывной сменой археологических культур. Непрерывность развития материальной культуры на протяжении убейдского и урукского времени выглядит на многих поселениях Северной Месопотамии как результат эволюции традиции, долгое время существовавшей в регионе (Амиров Ш.Н., 2000. С. 7; Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2004. С. 207). Ряд признаков одной культуры возник в хронологическо-культурной среде предыдущей культуры. Поэтому трудно провести четкую границу между концом одной археологической культуры и началом следующей. Но, тем не менее, можно проследить некоторые моменты в определении принадлежности культурных слоев памятников к конкретным археологическим культурам. Главная ключевая роль в этом вопросе, на мой взгляд, принадлежит слоям XIII–XI Тепе Гавры. Как уже отмечалось, в убейдском слое XIII вместе с более архаичными материалами выявлены некоторые признаки раннего Урука и поэтому группа исследователей отнесла этот слой к переходному или убейд–урукскому периоду (Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2004. С. 208).

В Северной Месопотамии, где археологические культуры были генетически связаны, появление некоторых признаков-«зародышей» одной культуры в рамках предыдущей предстает естественным процессом.

Беря за основу тот факт, что в слое XIII Тепе Гавры наблюдаются некоторые признаки керамического производства урукского стиля, неверно было бы отнести этот слой к переходному периоду или к урукской культуре в целом, так как эти находки там единичны. Массовый же материал и весь комплекс этого слоя принадлежит убейдской культуре. В противном случае с таким же успехом, опираясь на единичные находки, можно и более ранние уровни этого поселения отнести к урукской культуре. Например, на Тепе Гавре прототипы некоторых сосудов урукской культуры известны даже из слоев доубейдской – халафской культуры. В то же время, учитывая тот факт, что в слоях Тепе Гавры периода развитого Урука (вторая половина IV тыс. до н.э.) продолжают существовать некоторые культурные традиции Убейда (Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2004. С. 207), слои X–IX невозможно отнести к убейдской культуре. В этих слоях, в свою очередь, зародились ранние признаки последующего периода Джамдат-Наср.

Учитывая сказанное, при определении культурной принадлежности данных слоев Тепе Гавры, и в том числе других памятников Северной Месопотамии указанного периода, правильнее взять за основу весь комплекс, массовый специфический материал конкретной культуры. К переходному этапу от одной культуры к другой можно отнести слой, содержащий значительное количество основных признаков последующей культуры. С этой точки зрения слой XIII Тепе Гавры неоспоримо следует отнести к убейдской культуре, а слои XIIIa и XII – к убейдской или к переходному периоду от убейдской культуры к урукской. И поэтому не будет ошибочным отнести слой XII к позднему Убейду или к раннему Уруку в отдельности.

Следует также отметить, что выявленные в памятниках лейлатепинской культуры некоторые изделия – глиняные «гвозди», керамические скребки и керамические серпы –

связаны с традициями Убеида и более древних времён. Такие предметы не встречались в слоях урукского периода.

Таким образом, на основе северо-месопотамских параллелей, можно заключить, что первый этап лейлатепинской культуры, охватывающий последние века V тыс. – первые века IV тыс. до н.э. связан с поздним Убеидом (Тепе Гавра XIII – XIIa). Выделяемый нами последующий, второй, этап лейлатепинской культуры соответствует периоду, обозначенному исследователями термином «Убеид – Урук» (Нариманов Н.Г., Азимов М.С., Алиев Н.Г., 1985. С. 10; Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2004. С. 208) и этот этап следует обозначить как переходный и отнести к позднему убеидскому – раннему урукскому периоду, соответствующему слоям XII–XI Тепе Гавра.

На основе вышеизложенного следует констатировать, что такие памятники Ближнего Востока, как Тепе Гавра XIII–XI, Ярымтепе III, Арслантепе VII, Телль Хазна I (ранний период), и другие синхронные им поселения этой зоны можно считать прародиной носителей лейлатепинской культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алиев Н.Г., Нариманов И.Г., 2001. Культура Северного Азербайджана в эпоху позднего энеолита. Баку.

Амиров Ш.Н., 2000. К вопросу о распространении материальной культуры Урукского и постурукского времени в Северной Месопотамии // РА. № 4.

Корневский С.Н., 2008. Радиоуглеродные даты эпохи позднего энеолита – начала раннего периода бронзового века Кавказа по данным культуры накольчатой жемчужной керамики Предкавказья и майкопской культуры // Северный Кавказ в древности и средние века. Сборник статей, посвященный 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора Р.М. Мунчаева. Махачкала.

Корневский С.Н., 2008а. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. Сборник к 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора Р.М. Мунчаева. М.

Ллойд С., 1984. Археология Месопотамии. М.

Массон В.М., 1962. Восточные параллели убеидской культуры // КСИА. Вып. 91.

Массон В.М., 1989. Первые цивилизации. Л.

Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., 1982. Поселение убеидской культуры Ярым-тепе III в Северной Месопотамии // СА. № 4.

Мунчаев Р.М., 1994. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.

Мунчаев Р.М., 2007. Урукская культура (Месопотамия) и Кавказ // Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2004. Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в северо-восточной Сирии. М.

Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., 2009. Взаимосвязи Кавказа и Месопотамии в VI–IV тыс. до н.э. // Кавказ: археология и этнология. Материалы Международной научной конференции. Шамкир, 11–12 сентября 2008 г. Баку.

Муσειбли Н.А., 2007. Энеолитическое поселение Бююк Кесик. Баку.

Нариманов И.Г., 1985. Обейдские племена Месопотамии в Азербайджане // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тезисы докладов. Баку.

Нариманов И.Г., 1987. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Баку.

Нариманов И.Г., 2005. Ранний этап производящего хозяйства на Кавказе // Международная научная конференция «Археология и этнография Кавказа». Материалы конференции. Баку.

Нариманов И.Г., Азимов М.С., Алиев Н.Г., 1985. Отчет I-го отряда Мильско-Карабахской археологической экспедиции за 1984 г. // Архив Института археологии и этнографии НАНА. Д. № 0–343.

Нариманов И.Г., Азимов М.С., Алиев Н.Г., 1986. Работы первого отряда Мильско-Карабахской экспедиции в 1985 году // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1985 г.). Баку.

Algaze G., 1993. The Uruk World System: The Dynamics of Expansion of Early Mesopotamian Civilization. University of Chicago Press, Chicago.

Helwing B., 2009. Azerbaijan in the Chalcolithic: A View from the Southwest // Azerbaijan – Land between East and West. Transfer of knowledge and technology during the «First Globalization» of the VIIth – IVth millennium BC. Berlin.

Kubba S.A.A., 1998. Architecture and linear measurement during the Ubaid period in Mesopotamia. Oxford.

Rothman M.S., 2001. The local and the Regional // Uruk Mesopotamia and its Neighbors: Cross-Cultural Interactions in the Era of State Formation. Santa Fe: School of American Research Press, 2001.

Wright H.T., 2001. Cultural Action in the Uruk World // Uruk Mesopotamia and Its Neighbors: Cross-Cultural Interactions in the Era of State Formation. Santa Fe: School of American. Research Press, 2001.

Wright H.T., Rupley E.S.A., 2001. Calibrated Radiocarbon Age Determinations of Uruk-Related Assemblages // Uruk Mesopotamia and Its Neighbors: Cross-Cultural Interactions in the Era of State Formation. Santa Fe: School of American. Research Press, 2001.

Tobler A.J., 1950. Excavations at Tepe Gawra. Vol. II. Philadelphia.